▲ «ВЕЧЕРНЯЯ УФА» ▲ 3 апреля 1980 г.

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ ЛИРОЙ ПРОБУЖДАТЬ

Прошу рассказать

Многие участники нашей предновогодней анкеты выразили желание встретиться на газетной странице с Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, народным поэтом Башкирии Мустаем Каримом. Сегодня он отвечает на вопросы читателей.

Прежде, чем приступить непосредственно к ответам, Мустафа Сафич сказал следующее:

— В последнее время я что-то больше начал беседовать через органы печати, нежели писать. От этого я испытываю чувство неловкости. Беседую, беседую — и как-то теряю меру. Поэтому в ближайшее время, минимум в течение года, я, наверное, не буду нигде давать интервью. Сейчас не мог отказать лишь потому, что с вопросами обратилась молодежь.

Вопросов много. Если бы я сумел ответить на все точно, то был бы всезнающим человеком или человеком, который делает очень скучное дело, в чем он все заранее знает. Но пойдем по порядку.

— В каком возрасте Вы начали писать? Что побудило Вас взять в руки перо?

— Довольно рано. В детстве. Наверное, что-то хотел сказать стихами, но что побудило — не знаю. Сейчас, конечно, я могу выдумать что угодно, что побудило, то есть задним числом что-то придумать, что-то вспомнить, якобы. Но это было бы неправдой. Видимо, какая-то внутренняя потребность была. Не только у меня, у всех детей, у всех умеющих писать людей бывает потребность что-то сказать письменно.

Первое стихотворение, как мне недавно напомнили, было напечатано в башкирской пионерской газете в 1934 году. Я забыл об этом. А вот когда был юбилей этой газеты, ребята сказали: «Первое Ваше стихотворение напечатано у нас». Действительно, у них. Называлось оно «Мы победим». Кого победим, зачем победим — не помню, но вот такое призывное стихотворение. Видимо, время было такое, наполненное желаниями, порывами, которые и заставили взяться за перо, начать писать.

Но это было не творчество, оно могло остаться как и у многих лишь порывом. А вот более осознанно, я об этом уже говорил много раз, я написал стихотворение на смерть Кирова, в декабре 1934 года, когда пришло известие о его гибели. Вот это горе, которое постигло страну, я уже помню, и ощущение — желание писать. Видимо, это горе ударило даже в детское сердце, и была потребность свое слово по этому поводу сказать.

— Как Вы учились в школе? Какие предметы Вам больше нравились?

— Я никогда первым учеником не был, видимо, все-таки увлекался какими-то вещами, которые не всегда относились к урокам. Но учились мы с желанием, с желанием познать, потому что половина деревни или даже больше половины была неграмотной. И наши родители хотели, чтобы дети получили образование. Они не могли нас проверять, проверять наши тетради, но они старались по возможности освобождать нас от домашней работы, от ухода за скотом, чтобы мы занимались уроками.

Какие предметы любил — уже не помню, а вот химия, например, не давалась. Но учился я даже на четверки, зубрил, мне было стыдно отставать. Сейчас я знаю одну женщину, которую зовут Химия. Она очень симпатичная, но всегда вызывает у меня ассоциацию с моим отставанием по химии.

После семилетки пошел я на педагогический рабфак. Приняли меня сразу на второй курс. Наверное, в то время требования были не очень большие, нужны были кадры. Но когда мы уходили из деревни в Уфу, нам было безразлично, куда попасть учиться. Не потому, что мы были всеядными. Мы просто хотели учиться где-нибудь. Тогда бытовало выражение в ауле: «Пусть вернется человеком». Так вот, мы уезжали, уходили в город стать людьми, то есть образованными. А до революции стать человеком — означало: стать богатым.

Я попал на рабфак, мой товарищ, Масгут Хакимов, он умер от фронтовых ран,—в мукомольный техникум. Мы с ним еще в 1935 году одну пьесу написали, называлась она в переводе «Жатва». О нерадивой колхознице. Я помню даже одну реплику из текста. Когда муж приходит с работы, она кричит ему: «Ты раздевайся в чулане, иначе в доме колхозом запахнет», то есть дурно. Сдали мы эту пьесу в Башкнигоиздат. Недавно кто-то обнаружил в журнале «Октябрь» (так назывался раньше журнал «Агидель».—Ред.) списки произведений, сданных молодыми писателями. Там числится и эта пьеса. А где рукопись — не знаю.

— Кем бы Вы стали, если бы не стали писателем?

— Наверное, учителем. Для меня Учитель — всегда было высокое звание. Моя профессия очень близка к учительской, хотя она непосредственно не направлена на поучение людей. Моя работа, как писателя, направлена на духовное развитие человека. Учитель старается усовершенствовать человека, а писатель зовет человека усовершенствоваться, на самоусовершенствование. Его миссия, чтобы человек не забыл о том, что не только о нем должны заботиться, о его духовном возвышении, что прежде всего он сам должен заботиться об этом. Вот я и думаю, что мог стать учителем.

— Как в Вашей семье относились и относятся к Вашему литературному творчеству?

— До того, как было напечатано мое первое стихотворение, еще за полтора-два года начали печатать мои заметки в центральной комсомольской и пионерской газетах. Конечно, с удивлением смотрели мои неграмотные родители, мои малограмотные старшие братья, как на что-то непостижимое. Когда моя первая строка, моя первая заметка появилась в газете, я, наверное, не знал, что такое — быть поэтом, писателем. Я не знал, что это — профессия. Я не знал, что это — работа. Я не знал, что это — ремесло. Я не знал, что это — мастерство. Я не знал, что это — искусство. Я не знал, что это — вдохновение. Я не знал, что это — талант. Я не знал, что это — гений. Я не знал, что это — слава. Я не знал, что это — деньги. Я не знал, что это — жизнь. Я не знал, что это — смерть. Я не знал, что это — любовь. Я не знал, что это — ненависть. Я не знал, что это — радость. Я не знал, что это — горе. Я не знал, что это — счастье. Я не знал, что это — несчастье. Я не знал, что это — добро. Я не знал, что это — зло. Я не знал, что это — правда. Я не знал, что это — ложь. Я не знал, что это — свобода. Я не знал, что это — рабство. Я не знал, что это — мир. Я не знал, что это — война

то теряю меру. Поэтому в ближайшее время, минимум в течение года, я, наверное, не буду нигде давать интервью. Сейчас не мог отказать лишь потому, что с вопросами обратилась молодежь.

Вопросов много. Если бы я сумел ответить на все точно, то был бы всезнающим человеком или человеком, который делает очень скучное дело, в чем он все заранее знает. Но пойдем по порядку.

— В каком возрасте Вы начали писать? Что побудило Вас взять в руки перо?

— Довольно рано. В детстве. Наверное, что-то хотел сказать стихами, но что побудило — не знаю. Сейчас, конечно, я могу выдумать что угодно, что побудило, то есть задним числом что-то придумать, что-то вспомнить, якобы. Но это было бы неправдой. Видимо, какая-то внутренняя потребность была. Не только у меня, у всех детей, у всех умеющих писать людей бывает потребность что-то сказать письменно.

Первое стихотворение, как мне недавно напомнили, было напечатано в башкирской пионерской газете в 1934 году. Я забыл об этом. А вот когда был юбилей этой газеты, ребята сказали: «Первое Ваше стихотворение напечатано у нас». Действительно, у них. Называлось оно «Мы победим». Кого победим, зачем победим — не помню, но вот такое призывное стихотворение. Видимо, время было такое, наполненное желаниями, порывами, которые и заставили взяться за перо, начать писать.

Но это было не творчество, оно могло остаться как и у многих лишь порывом. А вот более осознанно, я об этом уже говорил много раз, я написал стихотворение на смерть Кирова, в декабре 1934 года, когда пришло известие о его гибели. Вот это горе, которое постигло страну, я уже помню, и ощущение — желание писать. Видимо, это горе ударило даже в детское сердце, и была потребность свое слово по этому поводу сказать.

— Как Вы учились в школе? Какие предметы Вам больше нравились?

— Я никогда первым учеником не был, видимо, все-таки увлекался какими-то вещами, которые не всегда относились к урокам. Но учились мы с желанием, с желанием познать, потому что половина деревни или даже больше половины была неграмотной. И наши родители хотели, чтобы дети получили образование. Они не могли нас проверять, проверять наши тетради, но они старались по возможности освобождать нас от домашней работы, от ухода за скотом, чтобы мы занимались уроками.

Какие предметы любил — уже не помню, а вот химия, например, не давалась. Но учился я даже на четверки, зубрил, мне было стыдно отставать. Сейчас я знаю одну женщину, которую зовут Химия. Она очень симпатичная, но всегда вызывает у меня ассоциацию с моим отставанием по химии.

После семилетки пошел я на педагогический рабфак. Приняли меня сразу на второй курс. Наверное, в то время требования были не очень большие, нужны были кадры. Но когда мы уходили из деревни в Уфу, нам было безразлично, куда попасть учиться. Не потому, что мы были всеядными. Мы просто хотели учиться где-нибудь. Тогда бытовало выражение в ауле: «Пусть вернется человеком». Так вот, мы уезжали, уходили в город стать людьми, то есть образованными. А до революции стать человеком — означало: стать богатым.

Я попал на рабфак, мой товарищ, Масгут Хакимов, он умер от фронтовых ран,—в мукомольный техникум. Мы с ним еще в 1935 году одну пьесу написали, называлась она в переводе «Жатва». О нерадивой колхознице. Я помню даже одну реплику из текста. Когда муж приходит с работы, она кричит ему: «Ты раздевайся в чулане, иначе в доме колхозом запахнет», то есть дурно. Сдали мы эту пьесу в Башкнигоиздат. Недавно кто-то обнаружил в журнале «Октябрь» (так назывался раньше журнал «Агидель».—Ред.) списки произведений, сданных молодыми писателями. Там числится и эта пьеса. А где рукопись — не знаю.

— Кем бы Вы стали, если бы не стали писателем?

— Наверное, учителем. Для меня Учитель — всегда было высокое звание. Моя профессия очень близка к учительской, хотя она непосредственно не направлена на поучение людей. Моя работа, как писателя, направлена на духовное развитие человека. Учитель старается усовершенствовать человека, а писатель зовет человека усовершенствоваться, на самоусовершенствование. Его миссия, чтобы человек не забыл о том, что не только о нем должны заботиться, о его духовном возвышении, что прежде всего он сам должен заботиться об этом. Вот я и думаю, что мог стать учителем.

— Как в Вашей семье относились и относятся к Вашему литературному творчеству?

— До того, как было напечатано мое первое стихотворение, еще за полтора-два года начали печатать мои заметки в центральной комсомольской и пионерской газетах. Конечно, с удивлением смотрели мои неграмотные родители, мои малограмотные старшие братья, как на что-то непостижимое. Когда моя первая строка, моя первая заметка была напечатана — все почувствовали, что они младше меня (Мустафа Сафич говорит это с улыбкой), ибо я был приобщен к тайне печатного слова. Они были поражены. Это какое-то волшебство для них было. Понятно, когда кто-то другой пишет, не из нашего аула, не из нашего дома, но чтобы из нашего дома маленький мальчик писал и его печатали — это было непостижимо.

Вот такое было отношение. И отец мой, он умер в сорок восьмом году в возрасте 82-х лет, сколько я помню, всегда относился ко мне очень бережно. Вот был я еще юношей, где-то 18—20-летним. Со мной в нашу деревню приезжали писатели старше меня: Сагит Агиш, Баязит Бикбай, Гайнан Амири, Кирэй Мэргэн, Хай и другие, два-три дня гостили у отца. И отец наряду с ними принимал меня тоже как человека серьезного.

Сейчас литературное творчество — это моя работа, моя профессия, моя жизнь, моя судьба. Наконец, это мой хлеб. Я ведь ничего другого не умею делать, я семью кормлю пером. Это немаловажно. Не надо думать только о высоких материях. Было время, после войны, я ночами переводил политические статьи для радио. У меня ничего другого не было. Стихами одними трудно прожить. Поэтому если это маленькое перо, этот наконечник, уж столько лет что-то делает для литературы, как в оправдание моего писательского существования, то это еще есть, повторяю, моя жизнь, моя судьба и мой хлеб. Поэтому семья относится к моему труду и как к большой общественной работе, которая принадлежит не только ей. Она понимает, что я, будучи главой семьи, принадлежу и литературе, и общественной жизни. Поэтому никогда не было упреков, что я отлучен от дома, или что я часто езжу и т. д.

Я подольше остановился на этом. Это очень важно. Пусть читатель знает: у писателя не только идеи, идеалы, вдохновения, у него есть дом, заботы, хлопоты...

— Какой продолжительности Ваш рабочий день?

— Работаю не систематически, не изо дня в день. И общественная работа перебивает, и вообще — я ведь формировался как поэт. А поэт не может утром встать, в 8 или 9 часов, и до 2-х писать стихи, и завтра, и послезавтра — каждый день. Так не получается. Стихи пишутся порывами. И вот, наверное, отсюда выработался стиль—работаю порывами.

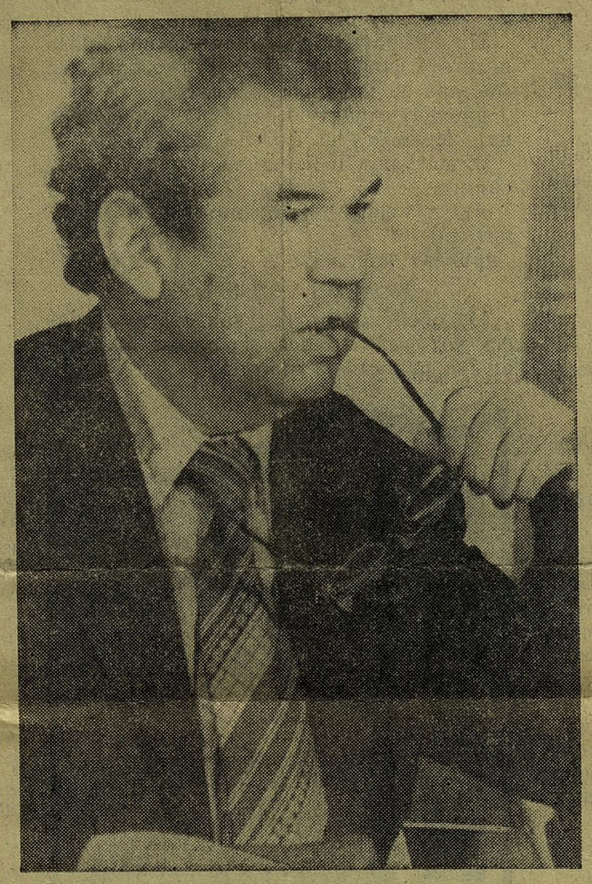
Когда я пишу прозу или пьесу, я не отлучаюсь от стола. Куда-то уезжаю из Уфы и пишу с утра до 2-х часов

И еще — приходится выступать перед различными аудиториями.

Кроме всего, писатель должен просто читать — это тоже работа.

— В какой области Вам больше нравится работать: в поэзии, прозе или драматургии?

— Я уже сказал, что начал как стихотворец. Конечно, на меня обратили внимание читатели и зрители больше из-за моей прозы и драматургии, особенно вне нашей республики. Потому что пьесы шли широко, проза издавалась большими тиражами — это дает больше возможности для общения со мной. А поэзия —такая вещь, что не каждый с утра томик стихов будет читать. Но это, мне кажется, вид человеческого творчества, человеческой деятельности — самый дорогой, самый ценный. Человечество все другие виды своего творчества, особенно словесные, начало с поэзии. Хотя составлять стихи не так легко. По-моему даже трудно начинали люди. Но все-таки во всей мировой литературе сначала создавали устные поэтические произведения.



Не хочу сказать, что во всех жанрах, но работаю в разных, когда в этом есть необходимость. Когда приходит замысел, приходит идея, накапливаются какие-то наблюдения—они должны отражаться или в драматургии, или прозе, если в стихах их трудно отразить. Это естественно, многие литераторы так и делают. Есть материал, который невозможно втиснуть в рамки поэзии, даже большой поэмы.

— Что больше всего Вы цените в литературе, искусстве? Чем Вы руководствуетесь в своем творчестве?

— Это трудно сказать,— что именно. Я знаю — что, расшифровать трудно. Скажу одним словом: талантливость. Есть видимость мастерства, видимость способности... Но искусство держится все-таки на подлинной талантливости...

Я не говорю об идейном содержании, форме... Талант, если он порожден временем, а талант действительно рождается временем, и если он принадлежит своему народу, если талант живет идеями, самыми высокими, самыми насущными идеями своей эпохи—то он непременно должен создавать произведения значительные, совершенные. Поэтому я говорю, что основа основ—это талант художника, с него начинается искусство вообще.

Молодые писатели однажды спросили меня: как, мол, вы насчет внутренней цензуры, думаете ли, когда пишете, —это пройдет, а это нет?... Я им говорил, что было, конечно, время, когда при нашем формировании этот вопрос был: пройдет—не пройдет, что скажут, не обвинят ли за какую-то фразу. Было. Но это было противоестественно существу самого творчества. Творчество должно быть раскованно. Если талант принадлежит народу, партии, то как можно допустить, что он скажет не то. Он обязательно то скажет. Может не доскажет что-то, это другой вопрос, частность, чего не надо бояться. Талант должен говорить и о радостях, и о печалях, о взлетах, о болях должен говорить. Талант должен болеть. Он не может быть юродивым, который всему рад и—он блаженный. Талант не может быть блаженным. Он должен нести обнаженное сердце. Обнаженное сердце всегда болит.

Вот говорят: талант радостный. Талант не может быть только радостным. Это ложное представление. Талант должен быть всеобъемлющим. Он должен жить тем, чем живут люди, чем радуется, чем болеет время.

—В чем Вы видите основную цель поэзии? Что Вы считаете наиболее трудным в профессии поэта?

— Цель... Односложно не ответишь. Это, прежде всего, наверное, то, о чем сказал Пушкин: «Чувства добрые я лирой пробуждал». Эта строка его всегда для меня — самое главное. Между прочим о Пушкине хочу сказать несколько слов.

Я считаю, что русское общество (русская мысль) до Пушкина было одно, а после его появления в духовной жизни России начался другой период. Все до Пушкина — это подступ к нему, а с Пушкина начинается новая эпоха духовного взлета русской нации. И вот если он, Пушкин, счел нужным сказать: «Чувства добрые я лирой пробуждал»,—значит, все-таки это самое главное.

Конечно, иногда, забывая о предмете искусства, предмете поэзии, о чем угодно писали. Я писал и о сборе золы, и о прополке писал... Но прополка — это все-таки не предмет поэзии.

Поэзия не должна брать на себя задачу учить людей, как сеять, как бороновать, как работать. Люди знают это. Поэзия должна ставить целью, чтобы человеческие души не ослепли, а сделать слепые души зрячими поэзия не может. Если у человека душа зрячая, он будет видеть больше, понимать и себя и других, в конечном счете будет лучше трудиться, если на то пошло. Вот задача поэзии — не дать душам ослепнуть.

А на трудность моей профессии я никогда не жалуюсь. Если буду жаловаться, можете сказать: выбери себе профессию полегче, например, вон траншею копают, асфальт, шпалы кладут, иди туда — это легкая работа. И мне неприятно, когда писатель выходит на трибуну и говорит: наш труд тяжелый, ночей не спим... Но ведь—это твой хлеб, твоя жизнь, твоя судьба... Между прочим, так говорит тот, который спит ночью. И днем спит. Я так думаю.

Не надо жаловаться на писательский труд. Это радость, это счастье, что строка твоя, слово твое появляется в печати, как будто от твоего слова, единственного слова восстанавливается гармония мира. Вот какое ощущение!

—Как повлияла на Ваше творчество Великая Отечественная война?

—Война была огромным несчастьем, огромным горем для страны, для мира. Но из нее мы вышли не горем убитые или горем подавленные, наоборот, мы вышли, победив и горе и войну. Еще мы вышли, обретая себя, утверждая себя.

Из войны мы вернулись рано созревшими. Я, как пишущий человек, больше понял, что значит слово. Даже

ние — в длинной поэме я обращался к старикам, женщинам, детям. Но ее тогда же передавали по радио, печатали в газетах—значит, мое слово имело значение.

Война научила меня ценить слово и не говорить то слово, которое не имеет смысла.

—Кого Вы считаете своим учителем в литературе? Кто Ваш любимый поэт или прозаик?

— Когда еще только начинаешь писать — никаких учителей не бывает. Учитель появляется, когда начинаешь немного понимать творчество. Первым учителем у меня был Габдулла Тукай. В юности, как все, очень увлекался Лермонтовым. Читал Есенина, он всегда остается поэтом мне близким. И, конечно, — это Пушкин. С годами все больше, больше и больше открываешь Пушкина. И не только в поэзии, во всем, что он написал, в каждой даже строке, открывается величие этого гения.

Бывают гении недоступные. Например, я не мог бы сказать, даже зная немецкий язык, что моим учителем был Гете. Он гений, но для меня окружен ореолом недоступности. А Пушкин — абсолютно без ограды, он мне принадлежит.

Еще Твардовский... Часто думаю: «Что он сказал бы — одобрил бы или нет ту или другую мою строку?». И считаю, что большой опорой для меня в творчестве последние два десятилетия был Твардовский.

— Кто из современных писателей Вам нравится?

— Я дружу с Расулом Гамзатовым, Михаилом Дудиным, Кайсыном Кулиевым и многими другими, о чем уже не раз писалось. А вот относительно нравится: есть писатели, может, очень крупные, но это не твои. Например, из русских поэтов я всегда ценил и ценю Евтушенко. Другого на его уровне я не могу сказать. Другие чуть-чуть овеяны модой. Есть поэты, которых хвалят, но я их не принимаю. Не принимаю, потому что не п о н и м а ю. А Евтушенко я понимаю. Он говорит то, что имеет значение, смысл. К нему могут быть всякие отношения, это уж как к любому писателю.

Из прозаиков очень высоко ценю Айтматова. Не зря его любят и читают не только у нас, но и за рубежом. Люблю писателей того поколения, из которого Василь Быков, Василий Белов, Виктор Астафьев... Это писатели, которые спорят с действительностью, спорят во имя движения наших высоких идеалов, идей. Они в этом споре утверждают неизбежность усовершенствования человека и мира.

— Самое любимое Ваше свое произведение? Какой из Ваших героев особенно Вам близок?

— Салават. Самый любимый мой герой—Салават. Меня привлекли его величие, трагичность—его судьба. Почему всякому относятся к моей пьесе о Салавате. Я же вижу его таким, каким хочу видеть. Недавно в интервью «Советской культуре» я уже говорил, что Салават дважды потерял Родину, дважды потерял любовь, он как бы исчерпал свои надежды и по своей воле, звеня кандалами, пошел в море... Я таким его вижу.

22-летний... Если бы он был просто воином, даже самым храбрейшим, он не мог бы стать духовным достоянием целого народа в течение двух столетий. У него на народ было и другое влияние, не только шашкой, не только стрелой и луком, но еще и песней, и своей личностью.

Впрочем, Кинзя Арсланов, наверное, был личностью не менее крупной, чем Салават. Он был и более зрелым по возрасту. Но так случилось, что ему не пришлось разделить участь народа после поражения. А Салават разделил ее. Вождь, поэт, военачальник—он разделил не только радость восхождения, духовного восхождения народа (ведь повстанцы не только оружие поднимали—они себя поднимали), он был и в падении, поражении вместе с народом. Вот моя концепция героя, поэтому Салават мне дорог.

— В чем Вы видите смысл жизни? Расскажите, пожалуйста, о наиболее ярких моментах Вашей биографии, которые оставили глубокий след в Вашей памяти?

— Любой человек, наверное, может сказать, в чем смысл жизни. Я отвечу самым заурядным образом: смысл жизни—в ощущении своей необходимости, своей нужности. В разных масштабах. Не всем дано ощущать нужность свою стране, эпохе, народу. Но если человек ощущает нужность, свою хотя бы одному человеку—уже в этом смысл его жизни. Поэтому смысл моей жизни начинается, может, с того, что я нужен одному человеку. А если ты нужен литературе, необходим, не хочется громкой фразы, другим многим людям и еще чему-то большему—тогда необходимость, нужность твоя, смысл твоей жизни расширяется.

Еще я чувствую смысл в умении найти радость в малом. Мы об этом редко говорим. Мы нацеливаем себя на большие дела, на большие свершения—и очень верно поступаем: общечеловеческая, общенародная значимость наших дел—это первостепенно для человека любого труда, для писателя в том числе. Но надо уважать и маленькие радости и маленькое счастье людей.

Вот в своих вещах я стараюсь это сказать. Сказать, что смысл жизни—в ощущении твоей нужности. А если ты уже никому не нужен—никакого смысла нет, хотя все остальные тебе и нужны, может быть.

Какие моменты из моей биографии... Трудно сказать... Потому что незначительная вещь на всю жизнь может оставаться как первостепенная. Однажды в тридцать втором году, очень голодный год был, мы поздно пахали. Осенью. Шел дождь. Я пришел усталый, замерзший, голодный, и вдруг дома запахло кашей. Мать откуда-то достала и сварила кашу с тыквой. Вот тогда я был очень счастлив. И это счастье меня всю жизнь сопровождает.

Я был счастлив 9 мая сорок пятого года, рано утром, когда мы шли к американцам. Встретились и из одной железной кружки сорок американских солдат и нас трое журналистов по очереди пили за Победу и не думали, что у нас будет размолвка. Я в тот день был очень счастлив.

Бывал счастлив, но всегда тревожился, когда получал награды. В такие моменты у меня не было чистой радости. А вот те два случая — это чистое счастье. Потому

Вот мое отношение.

Что я делаю, чтобы не было войны? Я пишу, езжу по другим странам, выступаю, рассказываю о моей стране, что она не хочет войны, что она живет с самыми благими намерениями... То есть я как бы несу ее визитную карточку. Вот ее удостоверение, вот ее цели—она не хочет войны. В этом я вижу свое участие в борьбе за мир.

— Не мешает ли общественная работа литературному творчеству?

— Наверное, даже помогает. Потому что я не просто в курсе каких-то событий, внутреннего движения в стране, я не сбоку подхожу к каким-то проблемам страны, а принимаю участие в их решении, и это помогает. А что касается количества, то писать мне удается, может быть, меньше, чем другим. Хотя порой, я думаю, они тоже не торопятся, могут сегодня не писать, а писать завтра... У меня нет такой возможности, утешения, что напишу завтра. Я должен писать сегодня, потому что завтра у меня будут другие дела.

— Какие творческие или служебные командировки, встречи в других странах были в последнее время?

— Об этом я уже писал, поэтому повторяться не буду. Скажу только в общих чертах. В любой стране не надо ни подлаживаться, ни стараться понравиться.

Я еще много лет назад испытал на себе: надо говорить напрямик то, что на душе. Вот в ФРГ я несколько раз выступал, в том числе по такой проблеме, что женщины заняты у нас на тяжелой работе. И я сказал, что если бы немецкие фашисты не разрушили у нас столько городов, не сожгли столько сел, наши женщины давно бы не занимались тяжелой работой. Там даже потом писали, что я сильно критически выступал, однако справедливо.

В августе прошлого года был во Франции. Там одна женщина-режиссер пыталась провести аналогию, правда, отдаленную, между диктатурой пролетариата и диктатурой Гитлера. Я спросил, что вы терпели от диктатуры пролетариата Советской страны? Я знал, что она —польская еврейка, и сказал, что в Польше, где была гитлеровская диктатура, миллионы ваших сородичей уничтожили. Как вы смеете проводить аналогию? Если вы не прекратите—я покину это собрание. Она извинилась.

Разговор тогда шел о свободе творчества и о других свободах. Можно было промолчать, чтобы не разонравиться им. Но нельзя было.

— Вы ездили во Францию в связи с постановкой или изданием какого-то Вашего произведения?

— Нет, там был ежегодный фестиваль драматургии. Обсуждали и наши советские пьесы, в том числе «В ночь лунного затмения».

— Какое качество в человеке Вы считаете самым ценным?

— Совестливость. Все остальное на этом стержне строится. Если нет совестливости—все другие качества распадаются.

— Что Вы думаете о современной молодежи?

— Хорошо думаю. Она в целом хорошая. 30 лет назад мне такой вопрос тоже задавали. К молодежи надо относиться с критериями времени. А когда критерии смещаются, тогда мы ошибаемся. Если я 60-летний буду относиться к молодежи 80-х годов, как к молодежи моей юности,—это будет ошибкой. В общем, это вечная проблема. Порой мы упрекаем: «Вам хорошо живется». Они отвечают: «Вы же революцию делали. Вы ведь сами хотели, чтоб нам хорошо жилось». В этом они правы.

Я думаю, что некоторая часть молодежи долго зреет, но быстро становится практичной. Мы, например, знали, что сначала всем вместе надо, потом мне. А сейчас часть молодых людей думает, что сначала надо ему, а что останется—другим, обществу. Это смещение понятий, повторяю, не у очень многих, но уродливость всегда видна. Вот по улице идут сто нормальных человек и один с увечьем. Мы все его видим. Так и люди нездоровые в нравственном смысле всегда заметны.

И в наше время всякие были. Но лучшая часть молодежи, ее большинство не было равнодушным к изъянам одиночек. А ведь на молодых людей всегда больше влияет свое поколение. Иными словами, молодежь сама ответственна за себя—за лучшее и за худшее.

— Как Вы относитесь к старости? К медицине?

— Судить о старости я еще не имею достаточного опыта. Но я думаю, хорошо бы было, если медицина направила усилия не на удлинение жизни, а на укорачивание старости. Проблема удлинения жизни—это, думается, противоестественная проблема. Зачем человеку жить 150—200 лет? Он должен жить столько, сколько природа предназначила, но при этом медицина должна помочь, чтобы совсем-совсем маленькой была старость у людей.

А отношение мое к медицине известно. Мне не раз приходилось выкарабкиваться почти из небытия... благодаря именно медицине.

— Любите ли музыку? Какую?

— Никакими музыкальными данными я не одарен. Люблю башкирскую народную музыку, и чем дальше—тем больше. В ней выражена и какая-то обреченность и в то же время долговечность. Слушаю симфоническую, органную, когда есть возможность. Не потому, что она меня потрясает, что каждый звук мне о чем-то говорит. Ощущаю воздействие музыки вообще. Она во мне вызывает ассоциации с самыми красивыми моими воспоминаниями, хотя она всегда впереди. Она всегда зовет.

— Любимое место отдыха?

— У воды или огня.

— Какое время года Вам больше нравится?

— Если бы Пушкину не понравилась осень, я бы сказал—осень. А так—зима, мое рабочее время, зимой я работаю.

— Любите ли Вы спорт, за кого «болеете»?

— Смотрю международные встречи или телевизионную трансляцию с них. А когда наши проигрывают — не очень огорчаюсь, значит, слабее были...

— Ваше мнение о попытке президента США бойкотировать Олимпийские игры в Москве?

— Если бы я знал, что господин Картер ежедневно читает «Вечерку»—я ему задал бы...

А если серьезно: это совсем не украшает президента такой великой страны, это просто неумно, это похоже на мелкую обидчивость.

— Большое спасибо, Мустафа Сафич, за обстоятельный и интересный рассказ. Желаем, чтобы Вы вновь и вновь радовали нас, Ваших читателей и почитателей, прекрасными, умными произведениями.